

Ю. Ф. Богданов

Очерки о биологах
второй половины
XX века

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2012

УДК 34.01.09
ББК 72.3 + 28г
Б 73

Богданов Ю.Ф. Очерки о биологах второй половины XX века. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2012. 508 с., ил.

Книга посвящена некоторым событиям из истории развития в нашей стране генетики, молекулярной биологии, клеточной биологии, физиологии, зоологии и очеркам о выдающихся представителях этих наук. Охвачен период с 1951 г. до конца XX века. Книга содержит очерки-эссе, основанные на воспоминаниях автора, документах, рассказах коллег.

Первая часть книги посвящена истории создания новых институтов Академии наук СССР в 1957–1967 гг. На примере Биофака МГУ показано, как биологическое образование страдало от догм «мичуринской биологии», отсутствия знаний о недавно возникшей на Западе молекулярной биологии. Описана роль прогрессивных советских и зарубежных учёных в создании новых направлений науки на основе физико-химической биологии.

Во второй части книги собраны воспоминания об учёных: физиологе Л.В. Крушинском, цитологе Д.Н. Насонове и его коллегам, молекулярных биологах В.А. Энгельгардте, А.Д. Мирзабекове, генетиках Б.Л. Астаурове, А.А. Прокофьевой-Бельговской, Е.А. и Н.В. Тимофеевых-Ресовских, Д.К. Беляеве, зоологах Н.Н. Воронцове и В.И. Фрезе и других. Специальные очерки посвящены выдающимся зарубежным учёным: Ф. Крику, Дж. Уотсону, М. Мезельсону, Э. Фризу, Г. Кэллану, Р. Ригеру, которые оказали заметное влияние на развитие нашей науки.

В третью часть выделены очерки, посвящённые ярким, но малоизвестным биографиям биологов — К.А. Воскресенского и А.В. Трубецкого — участников Великой Отечественной войны, преодолевших чрезвычайные трудности и вернувшихся в науку. Их жизнь даёт прекрасные примеры для молодёжи.

Книга рассчитана на широкие круги биологов и всех, кто интересуется историей науки.

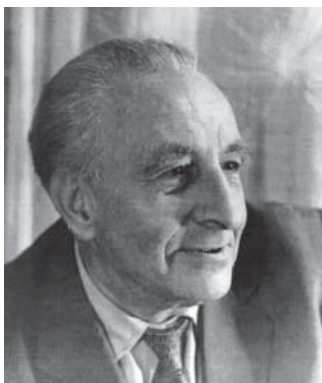
© Ю.Ф. Богданов, текст, иллюстрации,
2012

© Товарищество научных изданий
КМК, издание, 2012

ISBN 978-5-87317-806-3

Н.В.Тимофеев-Ресовский

И СМЫСЛ ЖИЗНИ

ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ Николай Владимирович (1900–1981 гг.) доктор биологических наук, профессор, заведовал лабораториями и секторами в Институте мозга Научного общества им. Кайзера Вильгельма в Германии, в «Лаборатории Б» Министерства среднего машиностроения СССР в Сунгуле (Урал,) в Биологическом институте Уральского филиала АН СССР и отделом в Институте медицинской радиологии АМН СССР в г. Обнинске. Был научным консультантом в Институте медико-биологических проблем Минздрава СССР. Автор первого в истории науки биофизического анализа природы гена и создатель теории микроэволюции.

Я несколько искусственно отделил этот очерк от предыдущего рассказа о супругах Тимофеевых-Ресовских. Просто так легче читать. Жизнь человека, если она была содержательной, можно описывать, начиная с любого момента. У человека с характером ничто в жизни не возникает из ничего и не бывает случайным, а Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский обладал характером. Этот характер проявлялся во все периоды его жизни.

Тимофеевы-Ресовские и Война

Бойтесь близости недалёких людей
Радио России, 2008 г.

Когда пишутся эти строки, уже идет восемнадцатый год постсоветского времени и многое в русской истории видится не так как трактовалось (и внушалось) в 50-е и 60-е годы прошлого века. На кладбище Донского монастыря покоится прах генерала Деникина, с почё-

том привезённый из Парижа, на экранах идет фильм о славном сыне России и российского флота адмирале Колчаке, на европейской политической сцене едва ли не лучшим союзником новой России является Германия, не ГДР (которой 20 лет как нет), а единая Германия. В новой Германии нацизм осужден до такой степени, что немцы на протяжении 50 и более послевоенных лет не позволяли себе давать своим сыновьям имена Фриц и Ганс — нарицательные имена немцев, воевавших во Второй мировой войне, на просторах Советского Союза и Европы. Кстати, Николай Владимирович говорил, что на основе его 20-летнего опыта жизни в Европе (и путешествий «по всей Европе, кроме Португалии») он убедился, что «наиболее надёжные друзья встречаются среди немцев и англичан, а не среди этих ...» и далее перечислялись некоторые другие нации.

Иное отношение к немцам вообще и умонастроение в широких кругах людей в СССР, включая интеллигенцию, было в те годы, когда я познакомился с Тимофеевыми-Ресовскими, которые всю Вторую мировую войну (для нас — Великую Отечественную войну) провели в Германии, «по ту сторону фронта». Я помню уважаемых отечественных учёных, ровесников Тимофеевых-Ресовских, которые никак не могли понять, почему известный к началу войны учёный Н.В. Тимофеев-Ресовский оставался жить и работать в фашистской Германии? Это были даже не те, кто сам воевал на фронте, а те, у кого кто-либо из родных и близких погиб на фронте, сражаясь с немцами. Их болезненная реакция на людей «по ту сторону фронта» была если не логична, то психологически как-то понятна, тем более, что о самой Германии, о людях, живших в ней, средний советский обыватель ничего не знал.

Почти всю Великую Отечественную войну я, будучи мальчиком школьного возраста, провёл при военном эвакогоспитале (сейчас это слово забыли), где начальником медицинской части работала моя мама, а последний год войны и после войны мы жили при больнице инвалидов этой войны. Немцы были для нас, тыловых горожан, безусловными врагами, а всё, что делалось «там» — за линией фронта — было враждебной жизнью. Впервые я осознал, что «там» тоже жили не только враждебные люди, в 1946 г. (мне было 12 лет). Больницу инвалидов войны перевели в другое здание, а мы с мамой остались жить на служебной территории этого здания, и в нём снова, как и до войны, открыли родильный дом. В один прекрасный летний день я услышал от нянечек или медсестёр, стоявших во дворе роддома, что к ним приехала делегация немецких врачей (!). Врачи из вражеской Германии приехали давать советы как принимать роды у советских женщин! Это было шоковым известием, но тут же стало понятно: значит есть разные немцы, немцы — бывшие враги и мирные немцы («Иначе их не пустили бы к

нам», — была моя примитивная мысль). Но так или иначе беспрекословный патриотизм, деление на «своих» и «чужих» сидело крепко в головах многих, если не большинства советских людей.

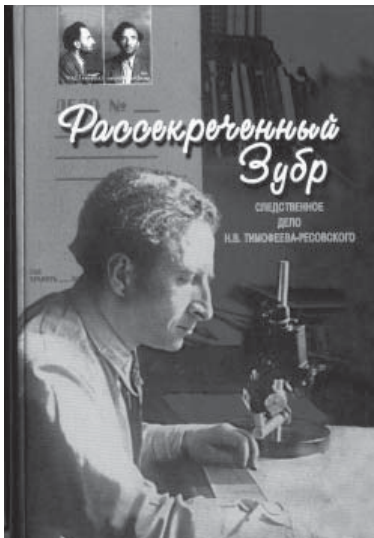
А в это время, в 1946 г., Н.В. Тимофеева-Ресовского уже осудили на Лубянке на 10 лет за невозвращение из зарубежной командировки и антисоветские настроения...

Как жили Тимофеевы в Германии

Я не стал перечитывать повесть Д.А. Гранина «Зубр», когда сел писать эти строки, но помню, что вопрос о том, как и почему он, Н.В. Тимофеев-Ресовский, мог позволить себе жить и работать «там», за линией фронта, гнезвился в уме и у фронтовика, писателя Д.А. Гранина, когда он познакомился с Н.В. Тимофеевым-Ресовским в Ленинграде, и он написал об этих сомнениях в повести. И в этой же повести он их развеял и объяснил себе и читателям это «как». Но повесть «Зубр» была написана после кончины Н.В. Тимофеева-Ресовского и опубликована в 1987 г., а я пишу о тех годах сомнений, когда я познакомился с Николаем Владимировичем на квартире у Ляпуновых в 1955 г. — через 10 лет после окончания войны. Тогда меня озадачили те же мысли: почему он оставался в Германии, когда к власти пришли нацисты, почему он не уехал из Германии, когда оттуда уезжали многие учёные, как он жил и работал там во время войны Германии с СССР? Эти мысли не покидали меня и в 1957 г., когда я посетил его в той ленинградской квартире, где он встречался с Д.А. Граниным, и даже в 1958 г., когда я приехал к нему на биостанцию Миассово. Почему, как можно было жить «там», когда шла война? Что он за человек, этот знаменитый Тимофеев-Ресовский?

Говорят, что фронтовик, заведующий кафедрой генетики Ленинградского университета Михаил Ефимович Лобашов прямо задал такой вопрос Н.В. Тимофееву-Ресовскому, и что они, выясняя эти «почему» и «как», чуть не подрались. Во всяком случае, говорят, «за грудки» друг-друга хватали. Об этом я узнал после кончины Николая Владимировича. А я решал этот важный для меня вопрос самостоятельно и исподволь, общаясь с Тимофеевыми, и никогда не задавая прямых вопросов, но слушал и размышлял.

Первое, что я понял: Николай Владимирович — человек достойный и человек не способный на подлости. Если он мог оставаться «там», значит, имел моральное право. Я, прежде всего, понял, что он — носитель настоящей человеческой морали и что ему можно верить. Тогда я понял, что именно мне нужно приложить усилия, что бы понять это «как» (или «почему»), и я терпеливо прислушивался к тому, что

Обложка книги, изданной в 2003 г.

оба они, Николай Владимирович и Елена Александровна, рассказывали о своей жизни.

Елена Александровна прямо говорила, что им с Николаем Владимировичем нечего стесняться и не в чем оправдываться. Они всё время, в том числе и в Германии, жили как нормальные порядочные люди. «Мы с этими господами не имели ничего общего», — говорила она о нацистских руководителях. А я всё же недопонимал: разве можно было порядочным людям жить в той Германии? Во время войны? Жизнь Тимофеевых-Ресовских на той «терра инкогнита» долго оставалась для меня загадкой. Хотелось что-то узнать.

Узнавать специально я начал, когда директор моего института, академик В.А. Энгельгардт задался вопросом о поддержке кандидатуры Н.В. Тимофеева-Ресовского на выборах в члены Академии медицинских наук СССР. Энгельгардт через моего научного руководителя, генетика А.А. Прокофьеву-Бельговскую, попросил помочь ему собрать документы или свидетельства о жизни и работе Тимофеевых-Ресовских в Германии. Такие свидетельства нашлись. Но об этом — чуть позже.

Никаких вопросов не возникало бы, если бы Тимофеевы-Ресовские после прихода к власти нацистов, уехали бы из Германии в Англию или Америку. Они превратились бы в обычных российских эмигрантов, которых в то время в мире было не менее миллиона человек. Елена Александровна как-то сказала, что при большом желании они, конечно, могли бы уехать в Америку, но это означало бросить всё, что они создали долгим терпеливым трудом в Берлин-Бухе и потерять незаурядный коллектив лаборатории, единомышленников и первоклассных специали-

алистов. Первые десять лет после приезда в Германию из Москвы в 1925 г. Тимофеевы-Ресовские жили в напряжённом труде. Доходы их (зарплата Н.В.) были невелики, жили они скромно. Николай Владимирович потом рассказал в своих опубликованных мемуарах, что в первые годы жизни в Берлине, когда они жили в городе (на квартире у дальних родственников Елены Александровны), а работать приходилось ездить в Бух на трамвае, Елена Александровна выдавала ему деньги на проезд, а он экономил их и бегал трусой вдоль трамвайной линии. Затем они поселились в казенной квартире в Бухе на территории института, Елена Александровна, как правило, работала в лаборатории бесплатно. Только к середине 30-х годов Николай Владимирович стал заведовать самостоятельной лабораторией, которая финансово не зависела от Института мозга. Это произошло после Генетического конгресса в США, на котором доклад Николая Владимировича имел успех, сам он получил признание мировых генетиков, получил приглашение поработать в США, а будущий Нобелевский лауреат Дж. Г. Мёллер приехал в его лабораторию в Бух по Рокфеллеровской стипендии на год. После этого немецкое Научное общество имени Кайзера Вильгельма — самая крупная научная организация довоенной Германии — оформило специальный статус отдела Тимофеева-Ресовского в Бухе.

Не я один пытаюсь понять, как жили Тимофеевы-Ресовские в нацистской Германии, почему не эмигрировали в Англию или Америку. Оба они чувствовали, что это непонятно многим и сами при подходящих обстоятельствах рассказывали то, что помогало их друзьям разобраться в этих непростых для советских людей вопросах. Наиболее убедительным в их ненавязчивых рассказах был тон этих рассказов: они не чувствовали за собой никакой вины. Само по себе это ещё не аргумент, но при том, что они были абсолютно интеллигентными и порядочными людьми, чувствовалось, что за плечами у этих людей не могло быть моральной вины.

Приведу наивное, «книжное» сравнение (на разных людей действуют разные доводы). В мемуарах тех, кто бывал в концлагерях (немецких и наших), в рассказах о разведчиках, подпольщиках и тому подобной беллетристике неизменно описывалась проблема: как найти союзника среди незнакомых людей, когда любой человек может на тебя донести. Неизменно эта проблема решалась так: надо присматриваться, прислушиваться к людям и суметь разглядеть среди них порядочных людей, таких, чьи моральные принципы позволяют на них положиться. Вот так и я, и многие другие в Свердловске, Москве, Ленинграде и других городах в те годы, когда эхо тяжелейшей войны ещё не замерло, увидели в Тимофеевых-Ресовских порядочных

Мемориальная доска Н.В. Тимофеева-Ресовского на Торхаузе — доме, в котором он жил и работал в Институте мозга общества им. Кайзера Вильгельма в Берлин-Бухе, ныне — Центре молекулярной медицины им. Макса Дельбрюка научного общества им. Гельмгольца в Берлин-Бухе. (Из архива автора).

людой. А дальше, веря им, можно было для любознательности или для самоуспокоения о чём-то их расспрашивать.

Здесь надо пояснить то, о чём Николай Владимирович как-то сказал, теперь уже не помню — прилюдно или персонально мне. Речь была о том, что в Германии и до нацистов, и при них, он работал в «частном секторе», в институте, который не был государственным, а входил в систему главного научного общества Германии имени кайзера Вильгельма. Моему поколению в 60–70-е годы трудно было понять, как это можно не зависеть от государства, а Николай Владимирович, не стараясь особенно «втолковывать», говорил, что в нацистской Германии действовали правила капитализма: вот это — государственное и извольте слушаться, а это вот — частное. Не приставайте к государству, не нарушайте его правил, а дальше делайте, как знаете. Вообще действовало правило: «Что нельзя — то нельзя, а что можно — то можно».

О том, что Тимофеевы-Ресовские помогали в Германии русским, депортированным для работ, скрывавшимся от полиции и бедствовавшим, написано достаточно, и я сам слышал это от Николая Владимировича. Про подпольную деятельность их старшего сына Дмитрия (Фомы — по-домашнему) они говорили мало и скупно, потому, что (как оказалось!) они сами не знали об этой деятельности, а узнали, когда он был арестован. Недавно из биографии Н.В. Тимофеева-Ресовского, написанной профессором Манфредом Раевским (внуком крупного немецкого радиобиолога Бориса Раевского, выдвигав-

шего Н.В. Тимофеева-Ресовского в 1950 г. на Нобелевскую премию) и опубликованной к Берлинскому генетическому конгрессу 2008 г., я узнал, что гестапо через профессора Ю. Халлервордена (Julius Hallerworden) сообщало Тимофеевым, что может не переводить Дмитрия Тимофеева-Ресовского из Берлинской тюрьмы в концлагерь Маутхаузен, если Николай Владимирович согласится работать в нацистской программе по стерилизации славянского населения Рейха... Это был удар «ниже пояса». Николай Владимирович выдержал этот удар. Он отказался сотрудничать категорически.

Известно, что Елена Александровна до самой смерти вела переписку с международным Красным крестом, пытаясь найти следы сына после последнего его письма из концлагеря. Эти следы нашлись только в начале XXI века. Установлено, что Дмитрий Тимофеев-Ресовский погиб 5 мая 1945 г. при расстреле заключённых лагерного пункта Мелк — филиала лагеря Маутхаузен на территории Австрии.

Прочтя этот эпизод в очерке М. Раевского, я вспомнил рассказ Елены Александровны. Хлопоча о судьбе сына, она ходила на приём к Кальтенбруннеру — крупной фигуре в нацистской иерархии. И тот, как она сказала однажды моей жене, Наташе, выдвигал именно те условия, о которых написал М. Раевский, но Николай Владимирович ответил, что согласиться на эти условия невозможно. Вместо этого весной 1945 г., когда Институт мозга имени Кайзера Вильгельма эвакуировался в западную часть Германии, он — заведующий автономным Отделом генетики при этом институте, отказался от этой эвакуации и подготовил своих сотрудников к встрече с Красной Армией.

Это решение далось ему нелегко. Об этом рассказывала Наталия Кром, его сотрудница довоенных и военных лет, которая оставалась в Германии, когда Тимофеевы-Ресовские работали на «объекте» в СССР и рассказы которой дошли до нас через нескольких лиц, встречавшихся с ней в 1990-е годы. Елена Александровна попросту обронила как-то в разговоре с Наташей Ляпуновой, что в начале 1945 г., накануне принятия решения остаться и встретить советские войска или уехать с институтом в западную часть Германии, куда входили войска союзников, Николай Владимирович сильно пил... А Вы, читатель, что делали бы, если Вы, физически сильный русский мужчина стояли бы перед жизненно важным выбором? Если бы Вы знали при этом, что те, кто вернулся в СССР из эмиграции, не имеют никаких гарантий на жизнь? (А Николай Владимирович знал обо всём этом). При этом это был бы не только Ваш выбор: жить или не жить, это — выбор судьбы Вашего творческого наследия. Если Вы — творческий человек и Вам безразлична память о Вас среди людей, которых Вы уважа-

ете, людей высокой культуры и совести, то такой выбор не отличим от выбора между жизнью и забвением после смерти. Размышлять на эту тему можно долго и по-разному. Вот и Николай Владимирович мучился и размышлял, и в результате уговорил всех своих сотрудников: немцев, русских, француза Пейру и других не уходить в западные области Германии, оккупированные американцами и англичанами, а остаться и ждать Красную Армию.

Я не знаю, все ли его сотрудники остались вместе с ним ждать Красную Армию, но основные сотрудники: К. Циммер, Ромпе, А. Кач, С. Р. Царапкин и другие¹ дождались советских войск и были включены Николаем Владимировичем в список тех, кто был нужен для выполнения его программы работы по радиобиологии, радиационной генетике и радиационной защите. Эту программу он предъявил советским инспекторам и экспертам, которые обследовали научные и конструкторские учреждения в советской зоне оккупации побеждённой Германии. Сотрудники, включенные в этот список, выполняли именно эту программу на Урале на «объекте» в Сунгуле с 1947 по 1953 гг. (см. книгу «Лаборатория Б»).

В 60-е годы директор моего института академик В.А. Энгельгардт поддерживал выдвижение Н.В. Тимофеева-Ресовского в члены Академии наук СССР, затем в члены Академии медицинских наук. Перед этим он заручился документами, гарантировавшими непричастность Николая Владимировича к сотрудничеству с нацистами. Он получил письмо от академика Ганса Штуббе — президента Академии сельскохозяйственных наук ГДР, знавшего Н.В. Тимофеева-Ресовского с 20-х годов, — письмо, в котором этот учёный, занимавший крупный официальный пост в союзной СССР Германской Демократической Республике — гарантировал, что Н.В. Тимофеев-Ресовский не участвовал в нацистских программах, носивших античеловеческий характер. Это же самое гарантировал бывший сотрудник Николая Владимировича Р. Ромпе, ставший главным учёным секретарём Академии наук ГДР.

У меня до сих пор хранится фотокопия последнего письма Дмитрия Тимофеева-Ресовского из концлагеря Маутхаузен, которую я на лабораторной фотоустановке сделал для В.А. Энгельгардта с оригинала, доверенного мне Еленой Александровной. В конце 80-х годов, когда Николая Владимировича уже не было в живых, а Германская Демократическая Республика доживала последний год жизни, сценарист и кинорежиссер Елена Саркисовна Саканян, снимавшая фильмотрилогию о Н.В. Тимофееве-Ресовском, добилась приёма у главного учёного секретаря Академии наук ГДР академика Ромпе, того само-

¹ Уточнить, кто работал в отделе Н.В. Тимофеева-Ресовского в Бухе и кто остался с ним до прихода советских войск, можно в книге В.А. Гончарова и В.В. Нехотина «Расскреченный Зубр» М. 2000 г.

го, который был сотрудником Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе, а потом в Сунгуле, и он подтвердил ей, что никакого греха перед человечеством у Тимофеева-Ресовского нет... остался лишь грех перед собственным погибшим сыном.

Появились свидетельства и других людей, француза Пейру, русского С.Н. Варшавского, работавших в Бухе, немецкого физика профессора Н. Рия, частично финансировавшего работы Тимофеева-Ресовского в Германии до и во время войны, игравшего потом видную роль в советском атомном проекте, и другие свидетельства. Эти материалы можно прочесть в нескольких книгах, упомянутых подстрочно на предыдущих страницах.

На перроне московского вокзала

Конечно, он умел играть! Елена Александровна говорила, что впервые за 30 лет, минувших с отъезда их в Германию в 1925 г., Колюша (Николай Владимирович) высказываться откровенно начал снова лишь в Москве. «Когда мы осенью 1955 г. впервые, после 1925 г., приехали в Москву, и Колюша вышел из поезда на московский перрон, его вдруг как прорвало. Он стал ругать вслух то, что ему не нравится. У немцев он никогда себе такого не позволял», — рассказывала Елена Александровна. Там он чувствовал себя в чужом доме, в гостях. В гостях ругать хозяев не принято, это во-первых, а во-вторых, в нацистской стране ругать порядки было опасно, а на родине он перестал опасаться. Он уже отбыл «срок» за то, что не поверил её властям в 1937 г., в разгар репрессий, а поверил Н.К. Кольцову, который написал ему, что возвращаться нельзя. Он понёс наказание, которого не заслужил, и теперь он волен был шуметь. «А что мне за это сделают?», — говорил он: «Теперь (1955 г.) за это не сажают!» Но шумя и ругаясь, он никогда не терял голову. Освободившись от работы под арестом на «шарашке», но оставаясь под наблюдением вплоть до своей кончины, он ругал бытовые порядки: туалеты, дворников, продавцов, хамов и т.п. Он не был в восторге от советской власти, но говорил, что если живешь в стране, то нельзя выступать против её законов, даже если они тебе не нравятся. Это он усвоил, живя у врагов в Германии и помня Гражданскую войну и 20-е годы, проведённые в Москве.

Зимой 2000 г. я с жадностью прочел мемуары моего однокурсника А.В. Трубецкого, человека старше меня на 14 лет, попавшего раненым в плен к немцам в 1941 г. под Псковом, взятого на поруки родственниками в оккупированной Литве и по специальным документам литовских властей времен оккупации (у нас было принято называть такие власти марионеточными) жившего и работавшего несколько ме-

сяцев в университете в Кёнигсберге. Пользуясь легальными документами, Андрей Трубецкой посетил в 1943 г. Берлин, Вену, Инсбрук, а потом ушел к польским, а затем и к советским партизанам, воевал под тем же Кёнигсбергом сержантом Красной Армии, был награжден орденом Славы и снова ранен, но в послевоенной Москве всё-таки попал в 1949 г. в советский концлагерь (кстати, в тот же Карагандинский лагерь МВД, что и Тимофеев-Ресовский в 1946 г.). В этих мемуарах меня интересовала не только судьба А.В. Трубецкого, лично мне знакомого и очень положительного человека, но и та обстановка, которая царил в годы войны в Германии. Как жили люди? Как действовали германские власти у себя дома? Так ли было всё, как рассказывали Тимофеевы-Ресовские? Да, всё было именно так, как рассказывал Николай Владимирович, понял я, внимательно прочтя все страницы книги Трубецкого. После этого я прочёл мемуары княжны Васильчиковой, урожденной русской, но гражданки довоенной буржуазной Литвы. Она даже работала в Берлине на немецком радио, пока после покушения на Гитлера не предпочла скрыться из Берлина и затеряться среди родственников и знакомых на территории Чехии и Австрии (тоже входивших в Германский рейх). Описания совпадали!

Действительно Германия в годы Второй мировой войны была наводнена людьми разных национальностей, славянами из всех Восточно-Европейских стран, французами, голландцами, датчанами, греками, румынами, венграми... Это были вольнонаёмные или мобилизованные на различные работы люди, расконвоированные военнопленные, перемещённые лица (те, кого вывозили в Германию из СССР, называли восточными рабочими) и так далее. Это была Европейская империя. В Берлине мужчин-немцев не в военной форме было очень мало, большинство немецких мужчин было мобилизовано. Экономиче-

Заведующий радиобиологическим сектором «Лаборатории Б» Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский на «объекте» в Сунгуле, Челябинская обл. Фото конца 1940-х — начала 1950-х годов. (Из архива автора).

Обложка книги о «Лаборатории Б» 2000 г. (См. текст)

ка держалась на упомянутых выше иностранных работниках из разных стран. Проверка документов была строгая, но имея их, люди передвигались, работали и получали продуктовые карточки. «Порядок есть порядок» и «Приказ есть приказ» — основные правила, которые действовали надёжно.

При этом работали барахолки, на которых люди не только продавали, покупали и обменивались вещами, но обменивались новостями и слухами. Через такие барахолки люди узнавали, что в Берлин-Бухе работает русский профессор, который по рекомендации может кое-чем помочь (например, советом, а узнав о человеке побольше и поверив, помочь справками, напечатанными на лабораторной пишущей машинке с изменённым шрифтом), а нужных ему людей может устроить на работу, даже полуевреев (!). Всё это можно прочесть в книгах воспоминаний Н.В. Тимофеева-Ресовского, и в воспоминаниях А.В. Трубецкого. Только в воспоминаниях последнего описывается не берлинская, а кёнигсбергская барахолка и не профессор Тимофеев-Ресовский, а профессор славянских языков и истории в Кёнигсбергском университета Арсеньев, давший официальную должность и зарплату расконвоированному военнопленному Красной Армии Андрею Трубецкому. Да, это была неизвестная и по тем временам, непонятная нам жизнь по ту сторону фронта. Правило «на той стороне» было одно: если ты не ведешь открытой агитации и вообще держишь язык за зубами, ты можешь получить работу и пережить войну. «Немецкий патриотизм» не требовался, надо было лишь не нарушать «Порядок». Доносчики, конечно, были, но где их не было тогда?

Три периода жизни Н.В. Тимофеева-Ресовского, которые мне удалось наблюдать

Мне кажется, что все, кто был знаком с Николаем Владимировичем после его освобождения из заключения на Урале и наблюдали его до последних лет жизни, согласятся с периодизацией, которую я предлагаю ниже. Она «лежит на поверхности».

Первый период (1955–1969 гг., жизнь и работа в Свердловске, в Миассово и первые годы в Обнинске) можно назвать периодом восхождения и надежд. Да, он, 55–68-летний крепкий мужчина, продолжал восходить по жизненной лестнице! Он создал новый научный коллектив в Свердловске, он был «царём и богом» на своей биостанции Миассово. К нему шли и ехали учиться и просто посмотреть на него. Появлялись (и в большом числе) новые знакомые, новые творческие партнёры, новые друзья. Он стал необычайно популярен, среди «незашоренных» людей. Он делал программные доклады в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Перми, Свердловске, Ереване, Душанбе, и там же читал лекции в молодёжных аудиториях. Я всех его выступлений и поездок, конечно, не знал, но на большинстве докладов, сделанных в Москве, присутствовал. Он создал крупный отдел радиационной генетики в Институте медицинской радиологии в Обнинске (5 лабораторий и около 100 сотрудников), где директором был академик АМН СССР Зеттенидзе, один из инспектировавших его отдел в Берлин-Бухе, и человек, великолепно относившийся к Николаю Владимировичу. В эти годы Николай Владимирович был полон творческих планов в области биогеоценологии и возродил в своём отделе занятия генетикой дрозофилы. Он писал монографии, а вернее диктовал своим соавторам (ибо писать он не мог из-за сильного дефекта зрения). В этих монографиях (а их было три) он обобщал свой научный опыт. Монографии эти фундаментальны и поэтому ценны до сих пор.

На даче у Н.П. Дубинина в 1955 г. Первый ряд слева направо: А.С. Ляпунова, Е.А. Тимофеева-Ресовская, мать Н.П. Дубинина, Т. Торпанова.

Второй ряд: Н.В. Тимофеев-Ресовский, Н.П. Дубинин, А.А. Ляпунов. (Из архива Н.А. Ляпуновой).

В Миассово, 1956 г. Хорошее настроение в рубашке, которую изжевал телёнок, пока она сушилась. Захотелось теленку пососать чего-нибудь влажного... (Фото Ю.А. Виноградова).

Вплоть до снятия Н.С. Хрущёва с поста руководителя КПСС, Николай Владимирович боролся за присуждение ему учёной степени доктора наук (хотя, точнее, он лишь сделал доклад и оформил документы, а хлопотала и искала поддержки Елена Александровна, а он говорил: «Это мне не надо, это нужно Лёльке»), а когда получил эту степень в начале 1965 г., то надеялся втайне, что его изберут в одну из государственных академий. Он встретился в Москве и в Обнинске с довоенными берлинскими коллегами: М. Дельбрюком, Г. Штуббе, Мельхерсом и другими и получил в 1965 г. высшую для генетиков награду Американской Национальной академии наук для генетиков: медаль и премию имени Кимбера.

Второй период начался, когда его вынудили выйти на пенсию. Я бы назвал его периодом угасающих надежд (1969–1973). Этот период начался с того, что директор института Г.А. Зедгенидзе по прямому указанию Калужского обкома КПСС, вынужден был просить Николая Владимировича написать заявление о выходе на пенсию. В 1968 г., после оккупации советскими войсками Чехословакии и демонстраций советских диссидентов против этого акта, происходили проверки коллективов интеллигенции на «благонадёжность». В Обнинске из научных институтов по этому поводу было уволено 16 человек. Н.В. Тимофеев-Ресовский стал семнадцатым. Некоторые подробности, связанные с его увольнением, приведены мною в коллективных биографических статьях об Н.В. Тимофееве-Ресовском в журнале «Генетика» (2000 г., № 10), и в биографической статье, опубликованной в его «Избранных трудах» (М. 2009. Наука).

65 лет — рубеж, после которого за границей профессора на основе принятых положений уходят на пенсию из государственных университетов и институтов, но сохраняют почётные титулы и нередко позиции консультантов, почётных профессоров и т.п. В Москве почётную

должность консультанта предоставил Николаю Владимировичу генерал и академик О.Г. Газенко, директор института, осуществлявшего медико-биологическую программу космических полётов. Реализовался опять тот же принцип, что действовал в Сунгуле: профессионалы из военных или секретных организаций ценили Н.В. Тимофеева-Ресовского как учёного, полезного для государства, а «идеологи», партийные деятели, зачастую не имевшие никакой путной профессии, кроме того, что числились в «номенклатуре», руководились противостественными «установками» и «критериями», чурались его и другим пытались внушать, что он «не наш». А он и был «не их»!

В этот период, после увольнения из Обнинска, Николай Владимирович стал периодически тяжело болеть пневмониями. Однажды его буквально спас в Ленинграде заведующий иммунологической лабораторией его отдела в Обнинске, профессор Кашкин, который почему-то тоже оказался в Ленинграде. Николай Владимирович вынужден был отвыкать от курения. С болгарских сигарет без фильтра (больше всего любил «Сълнце») перешел на, как ему казалось, более лёгкие папиросы «Север», которые выпрашивал у Елены Александровны: «Лёлька, дай-ка мне паршивенькую!». Но в те же годы он, для отрады души, продолжал путешествовать с Еленой Александровной на теплоходах по Волге, Волго-Балту, северным монастырям и озёрам, по Енисею и Лене. Любовь к путешествиям, к географии была у него смолоду, и тут он удовлетворял её наиболее приемлемым и комфортабельным для его здоровья и возраста способом. Кстати, одну из своих монографий он дописывал (заканчивал диктовать) именно на теплоходе.

Третий и последний период, свидетелем которого я был, начался после смерти Елены Александровны в 1973 г. Как я уже упомянул, последние годы её жизни Николай Владимирович болел часто и тяжело пневмониями. С сердцем у него тоже стало плохо. Елена Александровна, по-женски, делилась с близкими людьми мыслями о том, что когда она останется одна (а в том, что это произойдёт, он тоже не сомневался) она, наконец, не будет постоянно его обслуживать и сможет ходить в гости и в театры. Мысль о такой «свободной» жизни явно согревала её. И вдруг она умерла первой. Николай Владимирович не мог такого предположить! Это он внушал ей, что без него она, наконец, отдохнёт. А когда случилось всё наоборот, он абсолютно растерялся.

Его и её бывшие сотрудники, жившие в Обнинске, устроили регулярные дежурства для его обслуживания, покупали ему продукты, убирали квартиру, сдавали бельё в стирку... Тамара Илларионовна Никишанова, его сотрудница по Институту медико-биологических проблем, где он был консультантом, еженедельно по вторникам ездила к нему из Москвы на электричке, чтобы выполнять такие функции. Они

Празднование 70-летия Н.В. Тимофеева-Ресовского в сентябре 1970 г. в ресторане «Пекин». Слева направо: Б.Л. Астауров, юбиляр, Ю.Ф. Богданов (у окна), Н.В. Реформатская, М.А. Реформатская (загорожена цветком). (Фото Ю.А. Виноградова).

вместе с мужем, а также О.И. Епифанова с её мужем устраивали ему летом очередные теплоходные поездки. Он крепился, изредка ездил консультировать в институт к О.Г. Газенко в Москву, но очень страдал по Лёльке, страдал от одиночества и старости. В 1978 г. он участвовал в Международном генетическом конгрессе в Москве. На конгрессе он встретил старых зарубежных знакомых: Уайта из Австралии, сно-ва Г. Штуббе и Мельхера из Германии и других. Познакомился с учеником Т.Г. Добжанского Ф. Айялой и другими людьми. Председательствовал на вечерней лекции моего руководителя А.А. Прокофьевой-Бельговской. В Москве он уже не останавливался в доме Н.В. Реформатской, там появились внуки и не осталось гостевой комнаты. Он останавливался то у заведующего кафедрой биофизики Физического факультета МГУ Л.А. Блюменфельда, то у своего нового ученика и соавтора А.В. Яблокова, а во время упомянутого конгресса — у Н.Н. Воронцова, словом везде, где ему могли предоставить комнату. У нас в квартире такой возможности, к сожалению, не было, да и жили мы в отдалённой новостройке.

Такая жизнь Н.В. продолжалась 7 лет после кончины Елены Александровны, а именно до лета 1980 г., когда здоровье его стало быстро ухудшаться. Не только я, но и многие близкие Николаю Владимировичу люди наблюдали, как он готовился к смерти. Кто-то подарил ему книгу Моуди на английском языке «Жизнь после жизни», он читал её дома в Обнинске, как и все книги, с сильной лупой и потом заинте-

Семинар Н.В. Тимофеева-Ресовского в Институте медицинской радиологии в Обнинске, 1964–68 гг. (Из архива Н.А. Ляпуновой).

ресованно делился с теми посетителями, кто мог слушать его на эту тему. Он поверил в такую жизнь и говорил: «Действительно, похоже, что такая жизнь есть...» и далее обсуждал аргументы автора. Он, судя по всему, то ли чувствовал неудовлетворённость от жизни, от неисполнения ожидавшегося, то ли стремился к встрече в загробной жизни с Лёлькой, посвятившей ему всю жизнь и не дождавшейся его, к встрече с сыном Фомой, которого он не выручил ...не знаю. Опасаюсь, что эти мои рассуждения поверхностны.

Почему он обладал притягательной силой?

Н.В. говорил, что он — представитель культуры XIX века. Он учился у людей, родившихся в том веке. Портреты естествоиспытателей XIX и XVIII вв. висели на стене его кабинета в Миассово и потом в Обнинске. Он с гордостью говорил, что в детстве был знаком с солдатами, георгиевскими кавалерами Бородинского сражения, которые жили в имении его бабушки. Действительно, из независимого источника я узнал, что были такие старики-солдаты, перевалившие за 100 лет, которых Николай II награждал именными золотыми медалями во время празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г. Мне подумалось, что мы с такой жадностью общались с Н.В., слушали и наслаждались его рассказами о той жизни, что была до нашего рождения, именно потому, что он был уникальным носителем духа времени начала XX века, не утратившим свежести языка и мыслей того времени. Моё

поколение людей, родившихся в 30-е годы прошлого века, росло среди старших людей, тоже пришедших из конца XIX и начала XX веков, наших дедов и родителей, но подавляющее большинство их обжило и обвыкло в новой советской среде и утеряло «флёр» дореволюционной культуры, а Николай Владимирович сохранил его, создав русский заповедник под названием Бух в окрестностях старой европейской столицы, Берлина, и принёс этот дух к нам в Свердловск и в Москву в 50–60 гг. XX века.

Людей, сохранивших образ мыслей и отношение к жизни такими, какими они были до революции, оставалось мало в 50–60 гг. XX в., они были заметны, и к ним тянулась любознательная молодежь.

К людям этой русской культуры XIX в. относились берлинский сотрудник и друг Николая Владимировича, Игорь Сергеевич Гребенщиков и его брат Олег Сергеевич, эмигрировавшие в детском возрасте с родителями в 1920 г. в Югославию. Игорь Сергеевич был сотрудником Николая Владимировича в Бухе, потом остался в ГДР в Институте генетики и растениеводства в Гатерслебене, но получил советское гражданство (до оккупации Чехословакии немцами он, кажется, был гражданином этой страны). Он был одновременно энтомологом и ботаником. Мы с Наташей хорошо знали его, общаясь с ним во время командировок в этот Институт и во время нашей гостевой поездки в ГДР. Он был, также как Н.В., насыщен русской дореволюционной культурой и источал её на всех русских, встречавшихся с ним, но уступал Н.В. в физической мощи и напоре. Увы, общаться с ним могли лишь единицы людей, лишь те, кто по делам заезжал в немецкую деревню Гатерслебен, где располагался (и располагается) замечательный Институт генетики и растениеводства. До 1989 г. Институт принадлежал Академии наук ГДР, а теперь принадлежит Научному обществу им. Лейбница. Также как Институт молекулярной биологии им. М. Дельбрюка в Берлин-Бухе — наследник того института, где работали Н.В. и Е.А. Тимофеевы-Ресовские.

Старший брат Игоря Сергеевича Гребенщикова, Олег Сергеевич, крупный геоботаник, художник, композитор, а в молодости — солист балета Белградского театра оперы и балета (!), репатриировался в 1956 г., жил и работал в Москве, в Институте географии АН СССР и, оставаясь в душе полнокровным носителем «той» культуры, внешне потускнел в житейской московской среде, живя в малогабаритной квартире, заставленной книгами и задавленный неприглядным бытом. Возможно, немаловажным фактором для «потускнения» было то, что в его московской семье у него не было такой «старорежим-

ной» поддержки, какую имел в лице Елены Александровны Николай Владимирович.

Олег Сергеевич Гребенщиков тоже оставил по себе благодарную память. О нём его друзья, географы и не-географы, издали замечательную книгу². Но Олег Сергеевич был скромным и сдержанным человеком и не обладал той мощной магнетической силой, что была у Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Хотя из текста книги о нём следует, что О.С. был популярен в своем институте и любим коллегами.

А уникальный хранитель культуры начала XX вв. Н.В. Тимофеев-Ресовский не уехал в США, случайно не сгинул в Карлаге и наперекор реальным и мнимым препятствиям оказался доступным для общения с широкими кругами молодёжи нашего оскудевшего духовной культурой поколения.

Николай Владимирович в силу мощи своего характера, несмотря на атмосферу советского быта, живя также в тесной малогабаритной квартире в Обнинске, в окружении таких же обывателей, что и московские обыватели, не потускнел и не перелицевался. Несомненно, ему помогла в этом Елена Александровна, пока она была жива. Она неизменно оставалась «старорежимной» интеллигенткой. Чего только стоило её знаменитое обращение к московскому (или свердловскому) милиционеру: «Господин милицейский! Скажите, пожалуйста...». Об этом эпизоде знают и вспоминают многие знакомые Тимофеевых-Ресовских.

Для чего я сравниваю Тимофеева-Ресовского и Гребенщиковых? Я пытаюсь сформулировать, почему в ряду других талантливых людей, бывших носителями дореволюционной русской культуры, Н.В. Тимофеев-Ресовский в моём представлении и в представлении многих моих сверстников, и людей старше, и младше меня, занял особое место. А для того, чтобы указать это место Н.В. Тимофеева-Ресовского в мировосприятии научной интеллигенции 50–60-х годов, я должен напомнить ситуацию.

Существенная потеря классического гуманитарного образования и рост естественнонаучного и технического образования, и числа людей, занимавшихся техникой и естественными науками в 50–60-е и последующие годы, привели к заметному крену в мировоззрении значительной части советской интеллигенции. Конечно, у массы людей оскудело мироощущение, и не зря с жадностью интеллигенция, то есть мы, читала всё свежее, что доходило до нас, ловила исполнение зарубежных солистов и набрасывалась на редкие художественные выставки. Многие помнят дискуссию о «физиках и лириках», за-

² *Жизнь и приключения геоботаника, художника, композитора, поэта Олега Сергеевича Гребенщикова (1905–1980)*. Ред. сост. Е.А. Белоновская, А.А. Тишков. М.: Институт географии РАН НИА-Природа. 2006. 118 с.

теянную в прессе, не помню — в «Литературной газете» или в другом издании. Инженер Игорь Андреевич Полетаев, образованный человек с художественным вкусом, встал в прессе на защиту «физиков», доказывая, что не все они профаны в гуманитарной сфере.

Действительно, среди крупных учёных «естественников» были люди высокой культуры. Я много лет работал в институте, руководимом крупным учёным, великолепно образованным человеком и эстетом, В.А. Энгельгардтом. Но он был скорее кабинетным учёным, чем просветителем масс. Среди академиков и университетской профессуры были и другие разносторонне образованные люди, но большинство из них — эрудитов и профессионалов — не относилось к числу проповедников культуры вне рамок их профессий.

Н.В. Тимофеев-Ресовский был человеком, открытым для массового общения, артистом, умевшим выступать и в роли страстного трибуна, и в роли галантного кавалера, и в роли душевного собеседника, но все эти «ипостаси» были его природными качествами, и он умел их преподносить специально, когда хотел. Я говорю о его артистизме в положительном смысле: он талантливо умел показывать свою разностороннюю натуру. Но, пожалуй, главное, чем он привлекал людей, особенно молодёжь, было то, что он был атаманом и умел сплачивать вокруг себя ватагу!

Да, вот так вот, по-русски: айда, ребята, соберёмся, поговорим, выясним, кто есть кто, но так, что не обидно будет тем, кого «выяснили», а лишь для пользы дела. Я уже писал в предыдущем очерке, что он умел неправому человеку объяснить неправоту даже в темпераментной форме, но не унижая его. Он умел давать людям точные клички, не обижая их. А затем серьёзный разговор переходил в задушевную беседу, и собеседники приобщались к глубоким и красивым мыслям этого философа и эрудита. Вот этим даром магнетизма, «атаманства» и душевности одновременно, Н.В. покорял и привлекал умных людей... а неумные были ему неинтересны и оставались при своем частном мнении, на которое, безусловно, имели право «в силу существования естественного биоразнообразия, в том числе среди людей».

Он был интересен людям самых разных вкусов. До того, что он частично потерял зрение, он играл в городки и футбол; обладая хорошим голосом и слухом, в молодости он пел в церковном хоре, а в те годы, что я знал его, любил слушать хоровое пение (например, хора казаков под управлением Жарова). Он любил Шопена и Рахманинова, Коровина и Левитана, Лескова и Паустовского, Шаляпина и Обухову, но не только их среди массы русских и мировых композиторов, художников, писателей и артистов. Я назвал только те имена, о которых слышал похвалу из его уст. Н.В. умел увлекательно анализировать творчество лю-

бимых композиторов и художников, устраивал собеседования и читал лекции о них, а в Обнинске, у себя дома, организовал молодёжный клуб на темы искусства. Он говорил на трёх европейских языках и знал русских дореволюционных философов, которых мы не знали. Николай Владимирович был автором многочисленных афоризмов и каламбуров. Некоторые его рассказы казались парадоксальными, а сентенции — спорными. Например, он с серьёзным видом утверждал, что настоящими трудящимися являются только таксисты и балерины, а все остальные профессии и виды работы — это «совершенно нетрудное занятие». Спорить с ним в подобных случаях было невозможно, дабы не уронить себя и не выводить его из равновесия.

Николай Владимирович, при всей своей мужественности и воинственности, имел в душе лирическую струну. М.А. Реформатская, дочь Надежды Васильевны (см. очерк «Тимофеевы-Ресовские. Елена Александровна и Николай Владимирович») и Т.И. Никишанова, сохранили переданные им на хранение Николаем Владимировичем два экземпляра тетрадей стихов русских поэтов, составленные им в Германии. Это собрание представляет собой 13 тетрадей, напечатанных на машинке и переплетённых в самодельные картонные обложки. Сначала я думал, что там собрана любимая в доме лирика и реализована старая традиция домашних стихотворных альбомов но, пролистав, понял, что это серьёзная антология русской поэзии. Н.В. и тут проявил свою потребность систематизировать явления окружающего мира. В этих тетрадях собраны лучшие на взгляд Н.В. стихи от Сумарокова, М. Ломоносова и Г. Державина до В. Брюсова, С. Есенина, Г. Иванова, М. Шагинян и О. Мандельштама. На титульном листе каждой тетради внизу число и год составления (или переплёта). На тетради под номером I написано: «Бух. Двадцать четвёртое октября тысяча девятьсот сорокового года», а на тетради XIII: «Двадцать четвёртое августа тысяча девятьсот сорок второго года». Так и написано — словами, а не цифрами!

Подготовка этих тетрадей требовала большой работы и сбора стихов из разных изданий. Полные имена и отчества и годы жизни поэтов приписаны позже карандашом. Что побудило Николая Владимировича в те годы, когда немецкие войска рвались к Москве и Волге, перепечатывать и переплетать русскую поэзию? Я думаю, никто не усомнится, что это были настоящие патриотические чувства. Именно в эти годы угроза культуре со стороны нацистов вызвала подъем интереса к русской культуре и в нашей стране, по эту сторону фронта.

Возможно, стихи перепечатывала в Бухе говорившая и писавшая по-русски Наталия Кром. Я не представляю, чтобы их печатали Н.В. или Е.А., да и не принято было тогда профессорам и научным работникам печатать на пишущей машинке. Для этого у них работали такие со-

трудники как Наташа Кром. В оглавлении тетрадей (а оглавления есть в каждой тетради) Николай Владимирович характерным отчёркиванием грифельного карандаша («хвостом») отмечал прочитанные им стихи. Он поставил этот знак у всех стихов, во всех 13 тетрадях, а у некоторых, действительно наиболее удачных, «хвост» был отчеркнут два и три раза, и по этим двойным и тройным «хвостам» можно понять, что ему понравилось больше или привлекло большее внимание. В Германии при Гитлере русская литература не издавалась. Вот и составлял Н.В. Тимофеев-Ресовский самодельную антологию русской поэзии.

И.С. Гребенщиков также увлекался русской поэзией. Объяснение простое: те, кто учился в русских гимназиях до революции, получили мощный настрой на русскую литературу и, особенно, на русскую поэзию, потому что это была одна из основ гимназического образования.

У Игоря Сергеевича Гребенщикова была большая библиотека всех изданных в СССР и за рубежом русских поэтов. Нужно напомнить, что в ГДР и других странах народной демократии покупать русскую литературу было гораздо легче, чем в СССР. Эта библиотека русской литературы, после кончины Игоря Сергеевича в Гатерслебене была запакована его друзьями-немцами и прислана в Москву двум русским семьям: Н.Н. Воронцову и Е.А. Ляпуновой и нам — Ю.Ф. Богданову и Н.А. Ляпуновой).

О чем мы говорили наедине или в узком кругу

Нет, мы не говорили о психологии эмигрантства или о политике! Мнения Н.В. на подобные вопросы я выяснял косвенно. Как-то не к месту бывало говорить о них специально.

Я всегда был не слишком умелым рассказчиком, и в том числе поэтому не рассказывал Николаю Владимировичу о своей научной экспериментальной работе, которую вёл после защиты кандидатской диссертации. Кроме того, я исследовал хромосомы методами цитохимии и молекулярной биологии, а Н.В. эта область биологии не интересовала (и можно было «нарваться» на его отпор о «ДНКаканьи»). Но всё же, когда мою статью в 1971 г. напечатали на первых страницах авторитетного международного журнала «Хромосома», издававшегося в Западном Берлине, я похвастался перед ним. Вернее, я дал Николаю Владимировичу отчёт за полученное разрешение сослаться на наше знакомство в моей переписке с главным редактором журнала, профессором Г. Бауером. Сообщая мне, что статья принята к печати, Г. Бауер просил передать сердечный привет Николаю Владимировичу, и приложил два оттиска своих работ. Николай Владимирович чрезвычайно обрадовался, похвалил меня не столько за успех ра-

боты, сколько за эту переписку и просил снова передавать приветы «старинному знакомому и коллеге Ванечке Бауэру» и обязательно ответно послать Бауэру оттиски моих других работ. При этом Николай Владимирович улыбался, говорил, что Ванечка Бауэр замечательный человек: «Мы с ним много времени проводили вместе» и посмеивался, как бы вспоминая что-то.

Когда, в начале 70-х гг., уже после выхода Н.В. в отставку, я как-то заговорил с ним о проблеме, которой занимался и которой он сам невольно «заразил» меня ещё в конце 50-х годов, о проблеме мейоза, и упомянул имя английского ученого Кирилла Дарлингтона, лидера исследования этой проблемы в 30-е годы, Николай Владимирович с удовольствием подхватил этот разговор, но увёл его в сторону от научной проблемы, стал вспоминать, как он путешествовал с Дарлингоном на автомобиле по провинциальным местам Англии, как они развлекались и «жрали замечательные бифштексы». Конечно, к своему 70-летию он отстал от тогдашней новейшей генетики, от клеточной биологии. Главной научной проблемой, которой он интересовался и ещё держал нити науки в руках, была далекая от проблемы хромосом биогеоценология. Тут он оставался корифеем до конца своих дней.

Вспоминаю ещё один его блестящий рассказ о том, как они с Еленой Александровной в 1932 г. (совсем молодыми 32-летними людьми!) путешествовали из Европы в Америку на пароходе. Как поднимались с волнением по трапу на пароход в Гамбурге. Как их и всех пассажиров первого класса приветствовал у трапа галантный капитан. А затем был рассказ о внутреннем виде парохода, сияющих медных ручках, особой посуде в ресторане, танцах в салоне, разнообразной публике и т.д. Этот рассказ Николая Владимировича я слушал в доме друга его молодости Бориса Львовича Астаурова. Рассказ этот не попал в число записанных на магнитофонную пленку и изданных в воспоминаниях Н.В. Но вот был такой рассказ и он был таким же колоритным и занимательным, как многие опубликованные его рассказы. По памяти его передать невозможно, потому что в рассказах Николая Владимировича, как известно, важно было не только что он рассказывал, но и как он это рассказывал.

Для завершения темы о наших беседах, расскажу о простеньком разговоре, который состоялся между нами, когда Н.В. шел уже 80-й год. Ехали мы с ним из Обнинска в Москву на моей машине, я специально заезжал за ним. Это был последний в его жизни визит в Москву, кажется в Институт медико-биологических проблем. Была ранняя весна 1980 г. Николай Владимирович чувствовал себя неважно, был сумрачен и не словоохотлив. Но всё же нельзя было молчать, мы ехали вдвоем. И вот я спросил его: «Николай Владимирович, давно занимает меня про-

стой вопрос. Вы долго жили в Европе, пожалуйста, объясните, что движет людьми, когда они решают заняться тем или иным производством, например один человек вкладывает деньги в металлургию, а другой начинает производить подтяжки?». «Во-первых, — интерес: кому чем нравится заниматься», — ответил он. «Человек с удовольствием делает то, что ему интересно и любопытно». Потом он добавил, что предприниматели думают, конечно, и о выгоде, но главным, решающим при прочих равных условиях, по его мнению, остаётся склонность к предмету производства. Склонность к науке, к биологии, определила профессиональную деятельность самого Н.В. Тимофеева-Ресовского на всю его жизнь. Он всегда занимался тем, что ему было интересно. Не раз он говорил в любимой им манере: «В сущности, я должен быть благодарен Октябрьской революции: она меня в люди вывела. Если бы не революция, я был бы наследником богатых родителей и занимался бы коллекционированием офорт и охотой. А так — вынужден был зарабатывать, и стал тем, кем стал».

СМЫСЛ ЖИЗНИ

В 20–30-е годы XX в. Н.В.Тимофеев-Ресовский выполнил великолепные научные работы в области генетики, радиобиологии, биофизики и теории биологической эволюции, которые вошли в мировой фонд науки. В 40–50-е гг. коллектив, которым он руководил, внёс неоценимый вклад в практические знания о защите планеты от радиоактивных загрязнений. В 50–60-е гг. он создал новое направление в науке, которое он называл биогеоценологией, но сейчас оно упрощённо называется радиоэкологией (а это лишь часть биогеоценологии). Он был принципиальным и страстным человеком, человеком всегда порядочным, серьёзным и весёлым, интересным для себя и для окружающих.

После кончины Елены Александровны Николай Владимирович всё чаще говорил о смысле жизни. В 1980 г. он готовился отметить свое 80-летие. В мае того года он продиктовал, кого бы он пригласил выступить на конференции, посвящённой этому событию, кто мог бы рассказать об этапах его научного пути. Ему самому уже трудно было долго выступать. Он болел. Конечно, такую конференцию нужно было бы организовать осенью того года, после дня рождения, который приходился на 7 сентября. Но здоровье не позволило сделать этого. В тот день, 7 сентября, он собрал дома тех людей, с кем хотел проститься. Их оказалось столько, сколько с большим трудом смогла вместить его двухкомнатная квартира, не менее 70 человек. И с каждым из нас он простился персонально.

Во время застолья он для всех произнес то, что смолоду знал из молитвы, хорошо известной его поколению, но мало известной в нашем поколении, и что он неоднократно обсуждал с теми, кто посещал его на протяжении последних лет его жизни: «Смысл жизни — в непостыдной смерти». Эта формула, которой он вооружился к концу своей жизни — необыкновенно ёмкая.

На следующий день после прощального застолья в доме Николая Владимировича мы с Тamarой Никишановой отвезли его в клиническую больницу Обнинска. Там он перенес мучительную операцию, но продолжал, понемногу общаться с друзьями, навещавшими его, общался со своими бывшими сотрудниками. У него была отдельная палата, максимально комфортабельная для той больницы. В ней он прожил, или просуществовал, последние полгода, со стопкой книг, среди которых были неизменные детективы, и с сильной лупой, с которой он читал. Он не мог существовать без книг. Ежедневно у него бывали посетители. Но он тихо слабел. Мы с Наталией Алексеевной Ляпуновой навестили его последний раз в середине марта 1981 г., за неделю до его тихой кончины. Непостыдная жизнь замечательного человека завершилась непостыдной смертью. В последнюю ночь у его постели дежурил и присутствовал при его кончине его верный сотрудник по Институту в Обнинске, физик Николай Григорьевич Горбушин.

Николай Владимирович в последние годы проверял себя в том, действительно ли он прожил жизнь непостыдно, проверял и убеждался в этом и сверял это с мнением друзей. Его истинные друзья и многие, многие люди, даже из тех, кто сталкивался с ним лишь «по касательной», в этом не сомневались.

Август 2008 — июль 2009

Послесловие к очерку

8 декабря 2010 г. по приглашению профессора В. Розенталя, директора Центра молекулярной медицины им. Макса Дельбрюка в Берлин-Бухе — учреждения-преемника Института мозга в Бухе — я участвовал в торжественном заседании этого Центра, посвящённом юбилеям бывших сотрудников этого учреждения: 100-летию со дня рождения онколога Арнольда Граффи и 110-летию со дня рождения Н.В. Тимофеева-Ресовского. Профессор Манфред Раевский, сын известного радиобиолога Бориса Раевского и племянник Наталии Кром, почти мой ровесник (он на 2 года младше меня), сделал обстоятельный и точный доклад о жизни и научном творчестве Н.В. Тимофеева-Ресовского. Я выступил с приветствием от россий-

Участники Международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Н.В. Тимофеева-Ресовского, г. Дубна, сентябрь 2000 г.

Открытие бюста Н.В. Тимофеева-Ресовского у главного здания Центра молекулярной медицины им. Макса Дельбрюка (ЦМД). Покрывало снимает бургомистр Берлина, рядом — директор Центра проф. В. Розенталь. 2006 г.

Митинг по случаю открытия бюста Н.В. Тимофеева-Ресовского на территории ЦМД в Берлин-Бухе. 2006 г. (Оба фото присланы проф. В. Розенталем).

ских учеников Николая Владимировича, передал привет из Екатеринбурга от младшего сына Тимофеевых-Ресовских, Андрея Владимировича, и рассказал страницы из жизни Н.В. Тимофеева-Ресовского в СССР: о его знаменитых докладах в Москве в 1955 и 1956 гг., о Миассовских и Можайских школах-конференциях, о роли Н.В. в формировании мировоззрения моего поколения и о замечательной супружеской паре — Елене Александровне и Николае Владимировиче Тимофеевых-Ресовских. Я почувствовал, насколько старшее поколение сотрудников этого большого научного центра (около 2500 сотрудников, а на заседании присутствовало около 200 человек) гордится тем, что знаменитый учёный Тимофеев-Ресовский, учитель в области биологии Макса Дельбрюка (имя которого носит Центр) работал и жил в этом научном центре и оставил после себя массу документов, письменных и устных воспоминаний и легенд. Память о нём встречается в «кампусе» Буха повсюду: в виде бюста Тимофеева-Ресовского в парке около главного здания Центра, в названии одного из корпусов: «Корпус им. Н.В.Тимофеева-Ресовского», в музее истории науки в Бухе (музей тоже носит его имя), в галерее портретов в зале институтского кафе, в том «Торхаузе», в котором находилась квартира и лаборатория Н.В.Тимофеева-Ресовского в 1925–1945 гг., и в красивой

Мемориальная доска Н.В. Тимофеева-Ресовского в Обнинске, на доме в котором он жил. (Фото автора).

Пригласительный билет на симпозиум в Центре молекулярной медицины им. М. Дельбрюка (Берлин-Бух), посвящённый памяти А. Граффи и Н. Тимофеева-Ресовского, 8 декабря 2010 г.

мемориальной доске на стене этого здания (см. фото в начале очерка). В экскурсии по памятным местам Тимофеева-Ресовского на территории Центра меня сопровождал хорошо говорящий по-русски выпускник Харьковского мединститута д-р Шелер. Он с большой гордостью показывал мне все памятные места. Из разговоров с ним, с доктором Г. Эрцгребер, сотрудничавшей с Институтом ядерных исследований в г. Дубне, а ныне руководящей коммерческой фирмой при Центре им. Макса Дельбрюка, с профессором Е. Райхом, автором биографической статьи о Максе Дельбрюке, с директором Центра им. Макса Дельбрюка проф. В. Розенталем, из разговоров на обеде после торжественного заседания, я понял, что память о Н.В. Тимофеева-Ресовском нужна этому большому научному коллективу, нужна немецким учёным и практикам как символ того, что они приобщены к европейской культуре, к человеческой цивилизации.

Не в меньшей степени память об учёном и человеке Николае Владимировиче Тимофеева-Ресовском нужна России, стране, в которой он родился и, как он сам сказал в свое время немецким нацистам: «Не в силах изменить этого обстоятельства».

январь 2011 г.